

УДК 167

Серегина Т. В.,
кандидат философских наук, доцент,
декан философского факультета,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева.

Иваненко М. А.,
магистрант
кафедры логики, философии и методологии науки,
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева.

Роль научного консенсуса в социальной эпистемологии Хелен Лонжино

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-4-173-182

В статье рассматривается место научного консенсуса в контекстуальном эмпиризме и радикальном плюрализме современного американского философа науки Х. Лонжино. Критикуя миф об ученом как одиноком гении, она описывает рождение объективного знания из преобразующей критики в научных сообществах, управляемых общественными стандартами. Всякое научное знание нагружено контекстуальными (социальными, этическими, методологическими) ценностями, которые обретают легитимность при коллективном критическом исследовании. В отличие от излишне идеализированного консенсуса, например, у Ю. Хабермаса, Х. Лонжино выявляет продуктивную роль несогласия и критики в достижении консенсуса. Консенсус как времененная стабилизация критического диалога, совместно с эмпирическими ограничениями и социальными нормами участвует в конструировании объективного знания.

Ключевые слова: философия науки, социальная эпистемология, объективность, научный консенсус, ценности, научный плюрализм, эмпирическая адекватность, научная критика.

Seregina T. V.,
Candidate of Philosophical Sciences, docent,
Dean of the Faculty of Philosophy,
Orel State University named after I. S. Turgenev

Ivanenko M. A.
Master's student
Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science,
Orel State University named after I.S. Turgenev

The role of scientific consensus in social epistemology by Helen Longino

The article examines the place of scientific consensus in the contextual empiricism and radical pluralism of the modern American philosopher of science H. Longino. Criticizing the myth of the scientist as a lone genius, she describes the birth of objective knowledge from transformative criticism in scientific communities governed by societal standards. All scientific knowledge is loaded with contextual (social, ethical, methodological) values that gain legitimacy through collective critical research. In contrast to an overly idealized consensus, for example, J. Habermas, H. Longino identifies the productive role of disagreement and criticism in reaching consensus. Consensus as a temporary stabilization of critical dialogue, together with empirical constraints and social norms, participates in the construction of objective knowledge.

Keywords: philosophy of science, social epistemology, objectivity, scientific consensus, values, scientific pluralism, empirical adequacy, scientific criticism.

В этой статье мы обратимся к проблеме консолидации мнения научного сообщества, процессу, результатом которого выступает объединение научных идей и их взаимодополнение. Научный консенсус – это не просто коллективное соглашение ученых, а общезначимое решение экспертного сообщества, выполняющее функцию оценки содержания научного знания, его обоснованности, истинности и объективности. Данный процесс выходит за рамки единичного сознания отдельного исследователя или точки зрения небольшой группы, синтезируя различные когнитивные установки в ходе длительных критических обсуждений.

Дисциплинарное научное сообщество как коллективный познающий субъект порождает устойчивые, но не абсолютные утверждения о научном знании. Оно достигается посредством субъект-субъектных (когнитивные переговоры) и субъект-объектных (между субъектом познания и познаваемой реальностью) взаимодействий. Общезначимость в исследовательском консенсусе достижима в соответствии с нормами научной рациональности и требованиями научной реальности как эталона, который ограничивает, но не диктует консенсус, обеспечивая привязку описаний научной реальности к ее содержанию. История науки демонстрирует неоднозначную связь теории и опыта, роль ценностно-мировоззренческой установки познающего субъекта, а также фундаментальную опосредованность результатов наблюдений и экспериментов концептуальными рамками и методами интерпретации. Эти положения оказали решающий вклад в формирование консенсуалистской доктрины, которая, в свою очередь, ведет к системному научному плюрализму как разнообразию методов и альтернативных гипотез. Не являясь молчаливым соглашательством, консенсус представляет собой краеугольный камень научной обоснованности.

Особую актуальность понимание этих механизмов приобретает в современную эпоху, когда наука сталкивается с вызовами «постправды» и растущего общественного недоверия. Способность объяснить, как и почему научное сообщество приходит к тем или иным устойчивым утверждениям – через открытые дискуссии, переговоры и проверку реальностью, – становится ключевым аргументом в защиту науки как института, вырабатывающего наиболее достоверное знание в условиях плюрализма мнений и информационного шума. Таким образом, научное знание предстаёт как социально обоснованный консенсус, достигаемый через критический диалог и подчинённый нормативным критериям. Именно вопрос о природе этих норм, обеспечивающих объективность в рамках социального процесса, становится центральным для современных эпистемологических моделей. Одной из наиболее влиятельных среди них является контекстуальный эмпиризм современного американского философа науки Хелен Лонжино. Её работа, синтезирующая идеи социальной эпистемологии и феминистской критики науки, предлагает модель, которая напрямую затрагивает данное консенсуальное видение.

Контекстуальный эмпиризм современного американского философа Хелен Лонжино предлагает эпистемологическую модель, которая напрямую затрагивает данное консенсуальное видение. Ее программные работы «Наука как социальное знание» [Longino, 1990] и «Судьба знания» [Longino, 2002] испытали влияние двух антагонистических течений внутри пост-мертоновской социологии науки: конструктивизма и критического реализма. Это привело Х. Лонжино к своего рода промежуточной позиции: с одной стороны, научное знание зависит от широких интерпретативных контекстов, а с другой – от внешней реальности, независимой от человеческого сознания. Согласно Ю.С. Моркиной, «Лонжино утверждает зависимость опыта от сферы наших смыслов, от нашего концептуального аппарата, и в то же время от внешнего мира» [Моркина, 2011: 99]. Выделяя эмпирическую реальность как наиболее сбалансированный слой научного знания, Х. Лонжино постулирует фундаментальность эмпирического опыта и вместе с тем его опосредованность нормами и ценностями, составляющими фоновый контекст принятия и интерпретации научного знания в рамках определенной гипотезы или теории.

Из социального конструктивизма Х. Лонжино логически следует плюрализм, направленный против крайностей монизма или унификации научного знания. Она причисляет себя к так называемым «радикальным плюралистам» (совместно с С. Х. Келлертом и С. К. Уотерсон), сторонникам широкой концептуальной и методологической установки в современной философии науки, направленной на эпистемологическую инклузивность подходов к изучению реальности как сложной, нередуцируемой системы. Например, в своей более поздней монографии «Изучение человеческого поведения» [Longino, 2013] Х. Лонжино анализирует положительные моменты плюрализма различных подходов к взаимодействию природы и культуры в человеческом поведении. Отсутствие доминирующего подхода обеспечивает многоаспектный взгляд на поведение, включающий исследовательские

стратегии с позиций теории систем развития (developmental systems theory), генетики, нейробиологии, социально-экологического моделирования и других. Естественно, такая эпистемология на первых порах кажется недружественной в отношении консенсуса, который будто бы обедняет многообразие научного знания. Необходимо признать, этот скептицизм отчасти присущ Х. Лонжино, которая регулярно приводит случаи мнимого консенсуса как навязывания научному сообществу единого догматизированного подхода, исключающего альтернативные точки зрения. В качестве примера государственного подавления научного инакомыслия выступает печально известная лысенковщина, но более актуальной угрозой, по мнению Х. Лонжино, является тотальная коммерциализация науки, ее фактическое подчинение производственным мощностям ведущих технологических корпораций. Потребности рынка во внедрении более прибыльных технологий обязывают ученых давать ответы без задержки на длительные обсуждения возможных последствий этих технологий. В любом случае, когда экономическая и политическая власть, а также предрассудки самих ученых определяют развитие исследований, альтернативные позиции маргинализируются, подвергаются исключению из официальной повестки, и наука лишается своей объективности. Открытие новых знаний подменяется производством догм.

Критерии научной объективности – одна из центральных тем Х. Лонжино. Ошибочно сводить ее радикальный плюрализм к эпистемологическому анархизму, потому что он выступает не разрушителем, а катализатором для преобразующей критики (*transformative criticism*) расходящихся методологических и концептуальных установок. Отсутствие универсальных методов и вневременных истин в науке требует обмена мнениями, критического диалога, включающего все релевантные точки зрения. Этот «критически достигнутый консенсус (*critically achieved consensus*) научного сообщества» [Longino, 1990: 79], согласно меткому замечанию К. Песонена из журнала «*Synthese*», характеризует понимание объективности как интерсубъективности [Pesonen, 2022: 143]. Действительно, Х. Лонжино переопределяет объективность не как пассивное отражение реальности или компромиссное соглашение, но как эмерджентное свойство групп ученых, практикующих открытую преобразующую критику.

Социальное и когнитивное «взаимодействуют или даже сливаются» [Longino, 2002: 59] в рамках коллективного субъекта научного познания. Научная методология складывается из социальных, а не индивидуальных процессов. Поскольку рассматриваемый «плюралистический подход к объективности по своей сути социален» [Carrier, 2013: 2558], он дисциплинируется общими социальными нормами, которые структурируют, а не фрагментируют критический консенсус. Х. Лонжино в своих работах вырабатывает четыре критерия объективного критического дискурса [Longino, 1990: 76-79; Longino, 2002: 129-135], явно вдохновляясь научными императивами Р. Мертона. Это 1) наличие площадок для критики; 2)

восприимчивость научного сообщества к критике; 3) общие стандарты критики; 4) умеренное равенство между квалифицированными специалистами.

Разберем каждый критерий по отдельности. Требование открытых путей для критического дискурса, подразумевающее научные журналы и конференции, может показаться очевидным. Но не все настолько просто: в современном мире процессы коммерциализации науки, приватизации информации (например, платный доступ к научным статьям) и превратности финансирования исследований нередко создают закрытую для критического консенсуса среду. Более частные моменты, например, рецензирование научных журналов, имеют двойственную природу. С одной стороны, рецензирование может благоприятствовать критике, а с другой, – закреплять устоявшиеся позиции, консервируя научное знание, чему, по мнению Х. Лонжино, способствует конфиденциальность научного рецензирования. Наконец, чтобы площадки для предоставления критики работали, эффективная критическая деятельность должна оцениваться наравне с оригинальными исследованиями.

Следующий критерий – восприимчивость научного сообщества к критике – означает для ученых не просто толерантность к альтернативным подходам, но активную реакцию на происходящую критическую дискуссию, поскольку именно понимание делает критику элементом конструктивной и обоснованной практики. Эта реакция на происходящий критический дискурс может отражаться в содержании учебников, распределении грантов и корректировании научной картины мира. Умение не просто «подстраиваться» под определенную интеллектуальную моду, а понять критику коллег и защитить собственный взгляд в ответ на их аргументы, также соответствует озвученной норме.

Общие стандарты (третий критерий) необходимы, чтобы критика имела отношение к проблемам научного сообщества и была релевантной той позиции, которая критикуется. Эти стандарты должны апеллировать к общим содержательным принципам, а также к методологическим и социальным ценностям. Они должны исходить не из волонтаризма отдельных лиц, а из совместных когнитивных целей, которые признаются значимыми в оценке научных практик сообщества, точек согласия и разногласия. Х. Лонжино, в духе Т. Куна, перечисляет такие ценностные стандарты, как: эмпирическая адекватность, истинность, правила взаимодействия с объектом познания, согласованность с принятыми теориями в других областях, полнота, надежность, релевантность или удовлетворение конкретных социальных потребностей. Естественно, интерпретация и применение данных общих стандартов зависит от социально-исторических контекстов, познавательных и общественных потребностей, а также направленности конкретной научной отрасли. По отношению к группе ученых внутри определенной дисциплины работает четко сформулированное «подмножество» стандартов критики. На междисциплинарном уровне частные науки различаются интерпретацией и значимостью определенных научных стандартов, и с этим тезисом Х. Лонжино трудно не согласиться. Достижение консенсуса при междисциплинарной критике особенно проблематично, его можно сравнить с контекстным переводом

или межкультурной коммуникацией. В любом случае, Х. Лонжино настаивает на точках пересечения различных «подмножеств» стандартов. Например, эмпирическая адекватность является, по ее мнению, необходимым идеалом или нормой любой научной дисциплины, несмотря на отличия в интерпретации данного стандарта.

Общенаучный характер требования эмпирической адекватности сам по себе еще не гарантирует консенсуса, в первую очередь потому что область применения эмпирической адекватности зависит от других критических стандартов и ценностей. На этом моменте необходимо сделать отступление и дать изложение концепции ценностей Х. Лонжино. Предпосыльное знание и теоретическая нагруженность, которые находятся под влиянием ценностей (этических, методологических, социальных), играют существенную роль в принятии утверждений о научном знании. Для контекстуального эмпиризма научное знание по своей сути социально. Объективность не отражается через пассивное восприятие «гносеологического Робинзона», а вырабатывается через преобразующую критику сообщества исследователей. Даже такой метод познания, как научное наблюдение, является по своей сути диалогичным [Longino, 2002: 100]. Отчеты о наблюдениях упорядочены в соответствии с консенсусом, определяющим протоколы калибровки лабораторных приборов, границы референтных терминов или же то, какие аспекты наблюданного явления более важны, например, скорость химической реакции в сравнении с цветом ее продукта. Вот почему научное познание на фундаментальном уровне не является отражением «сырых» данных, а структурируется коллективными практиками, концептуальными рамками и методологическим инструментарием. Консенсус как согласие по утверждениям эпистемологически инертен без процедурного консенсуса как методологического обоснования критически важных норм и ценностей. «Миф о ценностной нейтральности науки <...> дисфункционален» [Longino, 1990: 224-225] и подрывает критический консенсус. Конститтивные ценности, например, эмпирическая адекватность и логическая последовательность, регулируют науку «изнутри», определяя методологическую культуру. А контекстуальные ценности, под которыми понимаются социальные и этические установки, проникают в сообщество исследователей «извне», и должны проходить через фильтр конститтивных ценностей, в том числе, через научную критику.

В заключение темы общих критических стандартов необходимо отметить, что они не статичны и не всегда последовательны. Первое проявляется в том, что критические стандарты сами «могут подвергаться критике и трансформации в соответствии с другими стандартами, целями или ценностями» [Longino, 2002: 131]. А утверждение о некотором противоречии различных общекритических стандартов друг другу отсылает нас к плюралистическому видению. Примером непоследовательности стандартов, по мнению Х. Лонжино, является конфликт между целью поиска истины и установкой на максимальную точность презентации научного знания. Данная характеристика общекритических стандартов проясняет, что они не детерминируют выбор определенной

исследовательской стратегии, но при этом наделяют коллективной ответственностью участников критического дискурса. Расходящиеся когнитивные установки оказываются не препятствиями, а ресурсами для формирования общей научной рациональности. Они обсуждаются в рамках преобразующей критики, которая не предписывает научную истину или объективность.

Четвертый критерий – умеренное равенство – означает, что интеллектуальный авторитет должен распределяться между компетентными участниками критической дискуссии в равной степени. Научный консенсус не может быть установлен через экономическое или социальное принуждение воле отдельного человека или группы лиц. Измерение критического дискурса в науке достижимо только в рамках когнитивных переговоров, в которые включены все релевантные точки зрения. Критерий такого сдержанного равенства обеспечивает инклюзивное пространство диалога, порождая коллективную рациональность. Это положение Х. Лонжино согласуется с понятием коллективного субъекта научного познания в рамках методологического консенсуализма [Лебедев, Коськов, 2020]. Умеренное равенство закладывает основы ценностного и методологического плюрализма, генерирующего новые научные знания, которые подтверждаются критическим консенсусом.

Последний критерий имеет явное сходство с трактовкой истины Ю. Хабермасом. Но Х. Лонжино считает умеренное равенство не критерием или определением истины, а критерием различия легитимного и нелегитимного (явного и неявного) консенсуса. В целом она разделяет истинность и объективность. Объективность понимается как эмерджентное свойство научных сообществ, практикующих дисциплинированное несогласие, которое регулируется вышеизложенными критериями. Критически достигнутый консенсус может гарантировать научную объективность методологии или теории, но не ее истинность. Помимо наличия или отсутствия консенсуса требуется анализ некоторых дополнительных условий, позволяющих утверждать истинность. В целом концепция истины Х. Лонжино неоднозначна и выходит за пределы традиционных схем, таких как теория соответствия (корреспондентная концепция), но для нашего исследования ее социальной эпистемологии более значимо выделение прямой связи между критическим консенсусом и научной объективностью.

В своих работах Х. Лонжино часто обращается к идеям К. Кнорр-Цетины и Б. Латура, двух философов науки, известных своими исследованиями лабораторной жизни. Ссылаясь на дисциплинарные микропрактики К. Кнорр-Цетины, она учитывает риски политico-экономического принуждения и оппортунизма в научной среде. Признает Х. Лонжино и вклад нечеловеческих акторов Б. Латура, выступающих скрытыми посредниками ученых в ходе обсуждения и обоснования полученных данных. Но если для К. Кнорр-Цетины и Б. Латура их описание механизма «производства знаний» служит разоблачению нормативности, то Х. Лонжино, наоборот, с учетом их критики вырабатывает новую научную нормативность в рамках своих четырех

критериев. По своему характеру они являются научными идеалами [Longino, 1990: 134], а приближение реальной исследовательской практики к этим критериям способствует эффективности науки как «производства знаний». Сообщество ученых приходит к легитимному консенсусу, если следует императиву коллективного обоснования знания через дискурсивные взаимодействия, включающие все релевантные точки зрения, а также индивидуальную и коллективную ответственность за соблюдение стандартов критики.

Научное согласие по утверждениям и теориям, как еще только содержательный консенсус, остается эпистемологически инертным без конститутивного и процедурного консенсуса как методологического обоснования критически важных норм и ценностей сообщества исследователей. К примеру, если достигнуто согласие по эмпирическим стандартам, но присутствуют разногласия в ценностных контекстах, консенсус нелегитимен и недостаточен для подтверждения объективности. Состояние легитимного консенсуса понимается не как конечный результат, а как временная стабилизация или промежуточный этап в самокорректирующемся цикле научного познания. Эта модель обнаруживает соответствие с латуровским видением научных соглашений. В работе «Наука в действии» [Латур, 2013] французский мыслитель описывает, как разрозненные лабораторные данные проходят ряд «испытаний», в ходе которых альянс из технологий, институций, текстов, человеческих и нечеловеческих акторов порождает общепринятые факты. Коллективное разрешение противоречий является причиной стабилизации, в ходе которой «список действий <...> буквально овеществляется» [Латур 2013: 156]. Например, именно такая стабилизация закрепляет новый химический элемент как общепризнанную сущность, выкованную в горниле кипучей лабораторной деятельности. Теперь вернемся к позиции Х. Лонжино: критический дискурс обеспечивает предпосылки для консенсуса, который, в свою очередь, стабилизирует научное знание до тех пор, пока новые вызовы и аномалии не станут катализаторами очередного критического пересмотра. Это переосмысление научного знания, вдохновленное Б. Латуром, не центрирует научный консенсус, однако включает его в процесс динамического взаимодействия доказательств, ценностей и критики. Реальность не определяет данный процесс, но ограничивает его через понятие эмпирической адекватности.

Итоговая трактовка научного консенсуса у Хелен Лонжино определяется его принципиальной условностью и критической зависимостью. Для неё консенсус — это не молчаливое согласие, а критически достигнутая, временная стабилизация знания. Чтобы такое согласие было легитимным, оно должно соответствовать четырём строгим критериям: наличие площадок для критики, восприимчивость к ней сообщества, общие эпистемические стандарты и умеренное равенство его членов в интеллектуальном авторитете.

Важно подчеркнуть, что Лонжино не является консенсуалистом в классическом понимании. В её модели консенсус вторичен — он выступает

следствием, а не целью или критерием истины. Как она сама отмечает, необходим независимый способ оценки истинности утверждений, по которым достигнуто согласие. Первична же преобразующая критика внутри сообщества. Таким образом, объективность рождается не из единомыслия, а из инакомыслия, регулируемого нормами. Согласие становится лишь временным подтверждением тех смысловых конструктов, которые выдержали испытание такой критикой.

Именно поэтому Лонжино отдельно предостерегает об опасности нелегитимного консенсуса – формального единобразия, навязанного авторитетами, политическим или экономическим давлением. Такое «согласие» маскирует дисбаланс сил и блокирует развитие знания. Однако сама эта критика предполагает существование легитимной альтернативы – подлинного консенсуса, достижимого через честный, инклюзивный диалог.

В этом ключе модель Лонжино глубоко перекликается с методологическим консенсуализмом, для которого «когнитивные переговоры» – это интенсивные дебаты об истинности. Обе концепции сходятся в понимании теоретической нагруженности опыта и в трактовке объективности как социального достижения. Таким образом, хотя формально консенсус занимает в социальной эпистемологии Лонжино периферийное место, на практике он оказывается скрытым двигателем плюралистического процесса конструирования научного знания.

Список литературы

Латур, 2013 – *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.

Лебедев, Коськов, 2020 – *Лебедев С. А., Коськов С. Н.* Конвенционалистская и консенсуалистская концепции природы научного знания // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 3(53). С. 7-26.

Моркина, 2011 – *Моркина Ю. С.* Моделирование в исследовании дискурса о научном знании (социальная эпистемология как неклассическая) // Философский журнал. 2011. № 1(6). С. 86-102.

Carrier, 2013 – *Carrier M.* Values and Objectivity in Science: Value-Ladenness, Pluralism and the Epistemic Attitude // Science & Education. 2013. Vol. 22, № 10. P. 2547-2568.

Longino, 1990 – *Longino H.* Science as social knowledge: values and objectivity in scientific inquiry. Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1990. 262 p.

Longino, 2013 – *Longino H.* Studying human behavior. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2013. 249 p.

Longino, 2002 – *Longino H.* The Fate of Knowledge. Princeton (New Jersey); Oxford: Princeton University Press, 2002. 233 p.

Pesonen, 2022 – Pesonen R. Argumentation, cognition, and the epistemic benefits of cognitive diversity // Synthese. 2022. Vol. 200, №. 4. P. 129-145.

УДК 140.8

Хохлова Е. И.,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и культурологии,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева.

Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков: философия кризиса культуры

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-4-182-189

В статье рассматриваются воззрения русских религиозных философов конца XIX – первой половины XX веков Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова на проблему кризиса культуры. Бердяев и Булгаков размышляют о сущности кризиса культуры, характеризуют его проявления, ищут пути выхода из кризисного состояния культуры. Оба философа полагают, что кризис культуры – это кризис человека, потеря духовных опор существования человека в мире. Философы призывают прийти к новой парадигме мышления и ценностей, в центре которой будет человек как личность и духовное существо.

Ключевые слова: кризис культуры, Николай Бердяев, Сергей Булгаков, русская религиозная философия, человек, личность, духовность.

Khokhlova E. I.,
Candidate of Philosophy, Docent,
Associate professor of Department of Philosophy and Cultural Studies,
Orel State University named after I.S. Turgenev.

N. A. Berdyaev and S. N. Bulgakov: The Philosophy of the Crisis of Culture

The paper examines the views of Russian religious philosophers of the late 19th and early 20th centuries, N. A. Berdyaev and S. N. Bulgakov, on the problem of the crisis of culture. Berdyaev and Bulgakov reflect on the essence of the crisis of culture, characterize its manifestations, and seek ways to overcome the crisis of culture. Both philosophers believe that the crisis of culture is a crisis of the human being, a loss of the spiritual foundations of human existence in the world. The philosophers call for a new paradigm of thinking and values that focuses on the individual as a person and a spiritual being.

Keywords: crisis of culture, Nikolai Berdyaev, Sergei Bulgakov, Russian religious philosophy, human being, personality, spirituality.